

Надо замѣтить, что основоположники современных республиканских доктрин отчетливо сознавали гибельность партийности для республики. Так Руссо, проповѣдая принципъ всеобщаго господства гражданъ рѣшительно возражалъ противъ того, чтобы отдѣльные граждане примыкали къ какимъ бы то ни было политическимъ группамъ. Руссо настаивалъ на томъ, чтобы каждый гражданинъ голосовалъ за самого себя. Онъ настаивалъ также на упраздненіи партій, по его мнѣнію, узурирующихъ у гражданина ту часть общенародной воли, которая въ немъ заключена. Теорія Руссо осталась утопией. Практика доказала, что существованіе партій при парламентаризмѣ неизбежно и современные республиканцы уже включаютъ принципъ партийности въ свои ученія. Партийное начало оказалось основнымъ механизмомъ республиканской государственности.

Несостоятельность и губительность республики, какъ разъ въ этомъ. Республика не можетъ жить безъ партій. Поэтому уже она не можетъ не разлагать націю. Примѣры цезаристскихъ республикъ ничего не доказываютъ, да и сами республиканцы избегаютъ ссылаться на эти примѣры. Писидский, Кемаль, Пангалосъ, португальскіе диктаторы напорили много крови чистопороднымъ республиканцамъ. Впрочемъ, и въ ихъ цезаристскихъ республикахъ партийность цвѣтѣтъ маховымъ цвѣтомъ, нерѣдко выливаясь въ самый циничный произволъ. Примѣромъ Совѣтскаго Союза также не приходится орудовать, такъ какъ его надо размахивать, какъ совершенно оробѣй видъ республики.

Мы упомянули уже о томъ, почему республика нейтральна по отношенію къ человѣческой совѣсти и указали на то, что послѣдствіемъ этой нейтральности является прогрессивное разращеніе гражданъ. Это разращеніе особенно рѣзко выливается именно въ политическую жизнь, то-есть въ жизнь партій. По мѣртъ того, какъ мѣриломъ поведенія гражданина становятся исключительно его личные интересы, при свободной совѣсти и при свободномъ мнѣніи, этотъ гражданинъ становится безпринципнымъ и свою безпринципность приноситъ въ жизнь партіи. Черезъ партіи гражданинъ стремится къ власти, какъ къ источнику жизни. Безчестность, принимающая катастрофическіе масштабы, характеризуетъ цѣлыя партіи, какъ и отдѣльныхъ людей. Для партийнаго человѣка безнаказанность обезпечена укрывательствомъ партіи, которая не выдаетъ «своего». Парламентарная политика давно утратила характеръ идейныхъ и принципиальныхъ прений о благѣ націи и превратилась въ орудіе материальныхъ интересовъ отдѣльныхъ группъ населенія. Парламентъ сталъ филиаломъ биржи.

Вѣкъ могутъ ежедневно убѣждать въ томъ, что подобная утвержденія не голословны. Примѣровъ можно привести безчисленное множество. Нѣкоторые изъ нихъ констативъ вопіющіе. Но, они вызываютъ лишь самое поверхностное и преходя-

щее возмущеніе. Характерно, что общественное мнѣніе при республикѣ значительно сплосходительнѣе къ провинностямъ видныхъ дѣятелей, чѣмъ при монархіи. Достаточно сравнить процессъ Сухомлинова и его послѣдствія съ тѣмъ, что наблюдается въ республиканскихъ странахъ. Во Франціи, напримеръ, общественное мнѣніе, мирится съ возвращеніемъ къ власти на посты министровъ и предѣлателей комиссій палаты лицъ, судившихся и осужденныхъ за государственную измѣну, которая попала подъ дѣйствіе амнистій. Нашумѣвшее дѣло Устрика, а незадолго до него дѣло Марты Анно и рядъ второстепенныхъ дѣлъ забрызгали имена такихъ людей, какъ бывшій предѣлатель парламента. Чужъ ли не у половини депутатовъ рыльце оказалось въ дѣлѣ Устрика настоящій кризисъ режима. А, между тѣмъ, нельзя не признать французскую республику наиболеею совершенной изъ всѣхъ европейскихъ республикъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ моральный кризисъ республики принять еще болѣе трагической характеръ.

Загадочная смерть бывшаго президента Гардинга, постепенно освѣщавшаяся цѣлою литературой оказалась самымъ чудовищнымъ скандаломъ, какой только знала когда бы то ни была и какая бы то ни было республика. Выяснилось, что Гардингъ, будучи выдвинутъ на постъ президента Соединенныхъ Штатовъ шайкой аферистовъ, все время правилъ страной (какъ извѣстно полномочія американскихъ президентовъ чрезвычайно широки), находясь подъ контролемъ этой шайки. Когда онъ попытался сопротивляться шантажу его сообщниковъ, они его попросту прикончили. Не менѣе разительны все еще дѣлающіе скандалы американскаго бандализма, превратившаго пресловутыхъ «энгистеровъ» въ камихъ до феодальныхъ царьковъ. Въ Чикаго настоящимъ Соловьемъ - Разбойникомъ за сѣсть знаменитый Аль-Капоне, постепенно превратившійся въ угрозу для самого строя Штатовъ. Онъ располагаетъ возможностями, превращающими его въ подлинно государственную силу. Сожительство официальной правительственной иерархіи съ иерархіей, возглавляемой Аль-Капоне не то, что подтачиваетъ, а просто рубитъ устой республики. Моральный кризисъ республиканства особенно тяжелъ именно въ Америкѣ.

XX-ый вѣкъ своей грубой дѣйствительностью развѣнчиваетъ романтическую мечту о республикѣ. Назрѣваютъ новыя идеи. Эти идеи ведутъ къ новымъ формамъ государственности. Проблема Русской государственности въ будущемъ не можетъ быть разрѣшена классической демократической и парламентарной республикой. На смѣну коммунистической государственности можетъ прийти лишь государственность монархическая и при томъ социально-монархическая. Это государственность младороссы и называютъ неомонархической.

Александръ Каземъ-Бекъ.

„Даешь Европу!“

«Толпа подвизитъ вздохъ глубокий
И оборется женскій плачъ,
Когда надуть свирѣло щекъ
Походъ сыграетъ штабъ-трубачъ.»

Легко вонзятся въ небо пики,
Чуть заскрежешутъ стрелена
И кто то двинетъ жестомъ дикимъ
Твой, Россія, племена...»

Такъ писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ эмигрантскій поэтъ Эйсеръ, возобновляя знаменитую

тему Блока. Тогда, — въ послѣдніе дни Напа — эта тема была почти только литературной. Наступательнаго пафоса нельзя было угадать въ Россіи. Националистическія настроенія старательно затушевывались. Россія собиралась съ силами, боролась за кусокъ хлѣба, торговала, и только у насъ, въ эмиграціи, наше узавленное національное самолюбіе упрямо напоминало намъ о старомъ походѣ на Берлинъ. И видѣнія гвардейскихъ бивуаковъ на парижскихъ площадяхъ были естественной и романтической реакціей на нашу сѣрую и какъ будто устану живущую жизнь.

* *

Съ тѣхъ поръ перемѣнилось все. Въ Россіи кончилась ежественность. Первое, что бросается въ глаза въ Россіи — говорятъ иностранцы — это то, что она находится въ состояніи войны. Бросаются въ глаза картины 17-го года: вокзалы, заполненные спящими людьми, телушки, набитыя скарбомъ и народомъ, безконечные хвосты на новомъ асфальтѣ Москвы. Все въ движеніи, все въ напряженіи, все въ борьбѣ.

Но эта виѣнность 17-го года не есть признакъ развала: пока это признакъ страшнаго усилія — усилія планомернаго и жестокаго, въ которое вовлечены всѣ. «Все для войны», говорилось въ 14-омъ году. «Все для пятилѣтки», говорится въ 31-омъ году. Для пятилѣтки — всѣ живыя силы, всѣ деньги, всѣ богатства Россіи, всѣ запасы, всѣ знанія, весь трудъ. Если Москва голодна — то фронтъ сытъ. То, что бесполезно искать на складахъ столицы, — въ изобиліи на Уралѣ или въ Сталинградѣ. Деньгъ нѣтъ въ странѣ, но огромная деньги выбрасываются ежедневно на промышленномъ фронтѣ. И если ихъ не хватаетъ, такъ это не потому что ихъ мало, а потому, что ихъ слишкомъ много нужно, потому же, почему въ многомилліонной Россіи не хватаетъ рабочихъ рукъ.

Пятилѣтка строится цѣною всевозможныхъ жертвъ: насильственныхъ и добровольныхъ. Для пятилѣтки вымываются тысячами сосланные на непосильную работу люди. Для пятилѣтки надрынается въ непосильномъ ударничествѣ охваченная энтузіазмомъ молодежь. Для пятилѣтки страна обречена на голодь, для пятилѣтки брошены праздники разбитыя семьи, уничтожена всякая возможность отдохнуть, подумать, отвлечься.

Совокупность неслыханныхъ притѣсненій, огромныхъ жертвъ, своего и купленного опыта не можетъ не породить огромную силу. Россія, «вздернутая на дыбы», — Россія съ ея миллионами верствъ и душъ, съ ея нѣдрами, ея природой, съ ея способностью страдать, — представляеть изъ себя сейчасъ что то настолько огромное и могущественное, что, хотя западный мѣръ еще невидимъ и твердъ, — конецъ мирной передышки уже очевиденъ и для насъ.

* *

Надъ нами уже нависла тѣнь пятилѣтки. Дымъ новыхъ городовъ, шумъ рекордныхъ машинъ ощутимы въ Европѣ. Самое существованіе этой новой Россіи — будь даже ея намѣренія мирны — уже переворачиваетъ всѣ міровыя карты...

Но усиліе, само по себѣ страшное, имѣеть цѣль — цѣль разрушительную. Социалистическій мѣръ будеть наступать на буржуазный. Пятилѣтка готовитъ не миръ, а войну, — тракторы, которые будутъ превращаться въ танки. Если продовольственные мѣры принимаются, то это — запасы для бойцовъ, а не для мирнаго жителя. Вся Россія вовлечена въ промышленную войну, но промышленная побѣда нужна лишь для военной. Это всѣмъ говорится, это официальный мотивъ. Назначены цѣли и сроки.

* *

Можно было въ свое время, два года тому назадъ, не выбирать «катастрофическаго курса». Но теперь онъ избранъ и тѣ, кто его избралъ, уже не волены этого курса перемѣнить. Партія сама во власти пятилѣтки и остановить ея не можетъ.

Въ избранномъ курсѣ все стало крайностью: крайнимъ сталъ отказъ отъ всѣхъ социалистическихъ методовъ, крайнимъ стало уничтоженіе всякаго проблеска свободной воли и труда, крайними — репрессіи, крайними — затраты, крайними — цѣли. Все или ничего. Какъ въ автомобильной гонкѣ: предѣльная скорость и предѣльная опасность. Ослабѣетъ одна гайка и погибо все.

И послѣ полутоновъ Нэпа, въ населеніи, брошенномъ въ котелъ пятилѣтки, проснулись крайнія чувства. Тотъ, кто радовался новой крышѣ, требуетъ теперь турбину, какой нѣтъ въ Америкѣ. Тотъ, кто интриговалъ въ сельсовѣтѣ, сжигаетъ въ хлѣву неосторожнаго комсомольца. Тотъ, кто хотѣлъ торговать съ Европой, хочетъ теперь покорить ее.

И отсюда новый видъ націонализма, грознаго, наступательнаго, пропитаннаго ненавистью къ иностранцу, къ западу, известному только по тѣмъ его представителямъ, которые на Русскихъ костяхъ строятъ Магнитогорскъ, Азбестъ и Днѣпрострой.

* *

Тѣ, кто строятъ идею, видятъ въ Западѣ естественныхъ враговъ, «капиталистовъ», «интервентовъ». Тѣ, кто задыхается подъ гнетомъ насильственной работы, видятъ въ Западѣ рационализирующихъ инженеровъ, продавшихся нечестивому режиму, тюремныхъ надсмотрщиковъ. Западъ для нихъ — это конвейеръ, это хронометристы, это извѣденіе челоуѣка на роль промышленнаго муравья.

Когда салонъ-вагонъ полковника Хюга Купера* со столомъ, уставленнымъ винами и закусками, медленно проходитъ мимо станцій, гдѣ есть лишь кипятки и черный хлѣбъ, что должно подниматься въ душѣ голоднаго народа съ мѣшками и чайниками ждущаго всегда опаздывающаго поѣзда? Что должны думать рабочіе, за нищенскія деньги теряющие всѣ свои силы на Днѣпрострой, когда изъ Одессы въ американскіе котэджи у Днѣпра везутъ шоколадъ и теннисныя ракеты? Что должны испытывать, наконецъ, при видѣ потрясающей близорукости иностранныхъ строителей пятилѣтки тѣ, которые помнятъ Бьюкена и Мурбаха, Брестъ-Литовскъ, Одессу или гибель Колчака.

* *

Пятилѣтка готовитъ войну для торжества социализма. Этой войны хочетъ сейчасъ каждый, — каждый по разному. Для однихъ — это возможность возстанія, для другихъ — надежда на грабежъ, для энтузіастовъ — это исполненіе миссіи, для униженныхъ — это месть. Для всѣхъ — это конецъ того, по разному обвиняемаго, но для всѣхъ невыносимаго положенія.

Построенная на крови пятилѣтка порождаетъ ненависть. Задуманная нечелоуѣчно, — она уже переросла челоуѣчскія силы. И, если не послѣдуетъ ея случайнаго срыва, или не будетъ разорвана противостественная связь между Сталинымъ и молодежью, между разрушителемъ и творчествомъ, — Европа окажется въ страшномъ и дикомъ положеніи передъ стихійной лавиной, которую она сама вооружила и сама направила на себя.

Кирилль Элита-Вильчковскій.

*) Хюгъ Куперъ одинъ изъ близкихъ къ Сталину техническихъ совѣтниковъ.